

Эдвард Радзинский

*Я стою у ресторана:
Замурџ — поздно,
сдохнуть — рано!*

Издательство АСТ
Москва

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Р15

Радзинский Э.С.

Р15 Я стою у ресторана: замуж – поздно, сдохнуть – рано! / Радзинский Э. С. – Москва: Издательство АСТ, 2016. – 416 с. (Эксклюзивная новая классика)
ISBN 978-5-17-097397-2

Это история Любви и Ненависти. Что это за страшное чувство? Чем оно питается? На какой почве возрастает? Что делает с людьми и их чувствами и помыслами?

УДК 821.161.1-31
ББК 84 (2Рос=Рус) 6-44

© Радзинский Э. С., 2016
© ООО «Издательство АСТ», 2016

**«Я СТОЮ У РЕСТОРАНА:
ЗАМУЖ — ПОЗДНО,
СДОХНУТЬ — РАНО!»**

У же поздно: после полуночи.
В огромной комнате в большом кресле (это старинное «вольтеровское» кресло, несколько странное среди всей современной мебели в комнате) сидит молодая женщина

И разговаривает по телефону:

— Мне приснился сон... Мой любимый Саша сел на дирижабль и полетел по проспекту Вернадского... Но в этот момент позвонила ты, и я так и не узнала — разбился ли он... — Хохочет. — Да нет Мариша. Для меня это совсем не поздно. Самый желанный звонок — после полуно-

чи... В это время я ем, пью чай... и болтаю, болтаю по телефону. После полуночи у меня всегда занято... Ха-ха-ха... Подожди, налью чаю...

Она бросила трубку на кресло, уходит на кухню. Возвращается с чашкой чая. Попивая чай, продолжает разговаривать по телефону, но только как-то странно: не поднимая брошенную трубку.

— Ну и холодрыга! В кровать ложусь в сапогах, как три мушкетера... Только чаем и спасаюсь... Вот черт! Был нормальный чай: налила в чашку, тут же стал фиолетовый. От меня в последнее время даже цветы вянут... Я все думаю: «Саша на дирижабле» — это к чему? У меня есть старинный толкователь снов: «Сонник», 1902 года издания... Там написано: бить во сне любимого — к свадьбе, целоваться с ним — к ссоре... А вот про дирижабль ни слова! Ха-ха-ха!.. — Да нет, Мариша, все значительно проще. Вчера целый вечер я лицезрела экс-любимого Сашу в реальности — в ресторане. И, как результат, он полетел на дирижабле. Ха-ха-ха!.. Ну что ты, вчера был обалденный день! Подожди, закурю — Закурила, с наслаждением пуская дым, — Все утро учила роль маляра, кото-

рую прислали с телевидения. Идиотская роль в идиотском сериале. Но когда самолет идет на аварийную посадку, не размышляешь о качестве аэродрома. Ха-ха-ха! И вот лежу я с этой ролью на тахте, одиноко, как на мысе Челюскин... и пытаюсь учить роль... Не получается! В воскресенье у нас — всюду жизнь! Этажом выше надо мной поселился Сизиф... Во всяком случае, все выходные с раннего утра он катает над моей головой тот самый камень. Подо мной гудит пылесос, как уборочная машина на полях. За стеной юная девица из самодеятельности разучивает над моим левым ухом танец «русские дробушки». А с правого уха, за другой стеной, глухой пенсионер орет: «Моцарт! Моцарт!» Моцарт — это его кот, который все время теряется! ...Ну что ты, Мариша, во-первых, у меня, как ты знаешь, собака... А во-вторых, ненавижу котов. Однажды я взяла себе котика. Все сделала как надо: поставила ему тазик для писанья — в уборной, постелила одеяльце — на собственной кровати... Чем кончилось? Кот писал в мою кровать, а спал в тазике — в уборной... Ха-ха-ха! Короче, лежу я со своим маляром среди всех этих созвучий... и вдруг отчетливо понимаю: сейчас

сойду с ума! Врубаю телевизор, чтобы как-то заглушить вакханалию звуков... А в телевизоре — лицо певца! Который давно помер! И покойник глядит приветливо прямо на меня и поет интимным голосом: «Все еще впереди... Все еще впереди»... Тогда в ужасе я хватаю свою козлиную куртку — и хожу! На улицу!

Но попробуй выйди зимой из моего дома! Там у нас ветер — ветрило! Роза ветров! Из парадного выхожу с третьей попытки. И тут же, моментально, ветер завязывает юбку морским узлом над моей головой... Кости отплясывают рок... а мой нежный носик остается у меня в руках... Так и несую его в ладонях. А еще говорят — «Юго-Запад... Юго-Запад!!!» Вьюго-Запад.... Тебе вон смешно, а у меня трагедия: мне холодно жить! Ха-ха-ха! В общем, стало так себя жалко! Чувствую — заболеваю гриппом. У меня первый признак гриппа — это когда я начинаю себя жалеть. Вижу, нужно что-то предпринять. И тут, прямо на улице, во мне загорается адово пламя. Бесы тотчас подхватывают меня — и я начинаю летать на метле по знакомым... Короче, облетела по этому Южному полюсу километров пятьдесят знакомых... Что там

было? Все как у всех, Мариша... За столом поедали икру вместе с салатом и знакомыми... «Сказал гадость — сердцу радость». Ха-ха-ха! Но постепенно я отогрелась. Злословие очень согревает. Напоили они меня каким-то ужасно пьяным китайским вином... И я уже хотела отправиться на свой мыс Челюскин, чтобы забыться одиноким китайским сном... Но тут опять — бесы! И я понеслась на своем помеле дальше — над нашим всемирным оледенением. Пока не выпала в осадок в ресторане «Паризьен»! Ха-ха-ха!.. Это необъяснимо, Мариша, но после всего, что я съела в гостях, мне вдруг страшно захотелось снова есть. И чтобы была музыка, а не одинокий мыс Челюскин. ...Я была в ужасном, совсем нересторанном виде. Раньше я страшно комплексовала бы по этому поводу. Ты помнишь, какая я была модница — раньше! Однажды я три часа просидела в мыслях, как соединить в одном туалете два активных цвета: красный и зеленый. Ха-ха-ха! Нет, насколько комфортнее моя жизнь с тех пор, как я стала феминисткой. Феминистка — это прежде всего удобно: мужа нет, поэтому готовить не надо; весь туалет — куртка и джинсы. Прическу — тоже

к дьяволу: короткая стрижка. Остальное совершается ладонью: ладонью причесываемся, по мордасам бьем, когда пристают... Ха-ха-ха!.. «Женщина может простить все, кроме испорченной прически». Теперь для меня это банальная чушь!

Она, замолчала прислушивается.

— Я не молчу... просто слушаю... Мне кажется... Ну, не важно... Короче, вхожу в ресторанный зал в своем нынешнем феминистском виде: джинсы, козлиная куртка с чересчур короткими рукавами... видать, козел был какой-то короткорукий — мое обычное везение... и совершаю мягкую посадку на стул... Что не совсем просто при китайском вине в организме. И тотчас вижу за соседним столиком — экс-любимого Сашу! Он сидел с какой-то юной божьей тварью в блудливых лисах. Очень оживленно беседовал и не знал... что через несколько часов ему лететь на дирижабле. Ха-ха-ха! Естественно, сукин сын сделал вид, что меня не заметил. В этот напряженнейший момент заиграл оркестр, и он пошел танцевать мимо меня, изо всех сил глядя в другую сторону. Блудливая в лисах была очень юна и с какой-то неправдоподобно округлой задницей. Я даже поду-

мала: может — накладная? Ха-ха-ха! Короче, сижу я на своем одиноком стуле, на своей натуральной заднице абсолютно одна, как на мысе... нет, мыс уже был... как на полуострове Таймыр... и думаю: да наплевать мне на вас, я теперь — феминистка. ...Подожди, подожди, Мариша! Дальше события развернулись! Хоть выглядела я в инвалидном козле хуже некуда, ко мне тут же подсуетился какой-то усатый грузинец... Восточные люди всегда от меня без ума... Ха-ха-ха! И мы с грузинцем тотчас пустились в пляс... совсем недалеко от экс-любимого Саши и его юной твари в блудливых лисах.

Замолчала, прислушивается.

— Не могу! У меня все время ощущение: кто-то стоит за дверью... Нет, Мариша, это не бзик. Ты не видела мою квартиру... После ухода моего мужа Мартироса экс-любимый Саша решил преобразить мою двухкомнатную квартирушку. Этот библейский Самсон порушил все перегородки. Прихожая... коридор... кухня — он все соединил с большой комнатой. Получился гигантский сарай... где я сейчас и проживаю. Ха-ха-ха! Дверь из этого сарая выходит прямо на лестницу, и теперь мне слышно все, что там происходит.

И сейчас мне кажется, что там, за дверью, на лестнице кто-то топчется! ...Нет, Мариша, туалет Саша мне оставил, — на коленях вымолила. Туалет и свою комнату, где он скрывался, когда пил... Нет, Мариша, мне туда поселиться нельзя — там сейчас музей. Мемориал памяти Саши. «Тени минувшие счастья уснувшего». ...Короче, танцую я в ресторане с грузинцем — и вдруг чувствую жуткую боль! Опускаю глаза — и вижу такую ногу! Ты не представляешь, какая это была нога! Я даже глаза протерла — думаю, может, это китайское вино шалит! Я спрашиваю грузинца: «Скажите, пожалуйста, у вас нога или нарочно?» «В смысле?» — говорит он, танцуя и размахивая жуткой ногой, будто это «танец с саблями». «В смысле, — говорю я, увертываясь от его ножищи, — может, вы прячете в ботинке дьявольское копыто? И вообще, милый мой, как вы живете с такой ногой?» Что дальше? После таких вопросов, как ты догадалась, никакого «дальше» уже не было! Я всегда умею задать мужику самый нужный вопрос Вот так — в плясках и песнях прошел вечер...

Резкий звонок в дверь. Она замолкает. Снова — звонок.

— Ну что я говорила! Слышишь?

Звонки.

— И как звонят!

Звонки.

— По хамскому звонку это — он... эксклюзивный. Ха-ха-ха! Представляешь, как удивилась бы юная в блудливых лисах, если бы я рассказала, что ее Сашок... который не соизволил даже узнать меня в ресторане... ломится ко мне в первом часу ночи... Ха-ха-ха!

Звонки.

— Да нет, Мариша, он год не появлялся... И вдруг совсем недавно стал меня навещать!..

Звонки.

— Любовь? Ха-ха-ха! Какая любовь, Мариша! Он приезжает эвакуировать имущество. У него в мемориальной комнате столько имущества! Книга Габриеля Маркеса, которую он подарил мне на день рождения и теперь требует назад — «для работы». Думает, помню, где она!.. Картина, про которую он врал, что это Рерих. А главное, куча тряпья: брюки, кеды, джинсы... Но он прослышал, что корабль тонет. А он жаден, как все мужчины... «Если хочешь, чтобы мужчина тебя

бросил, — попроси у него займы». Ха-ха-ха! Это из какой-то пьесы, которую я играла.

Звонки, звонки. Но она по-прежнему не обращает на звонки никакого внимания и болтает по телефону:

— Но самое гнусное — мерзавец взял привычку являться ко мне в дом после спектакля... Сыграет — и по пути из театра чуть ли не в час ночи, без звонка заваливается захватить кое-что из имущества. У него в мыслях нет, что это — неудобно, что у меня, например, может кто-то быть! Ты видела собак, которых привязывают у булочных... И они покорно ждут своих хозяев. Дождь, жара — они ждут... Этот сукин сын абсолютно уверен, что я по-прежнему собачка — у булочной... Уверен, что я безмерно счастлива... — Орет: — Когда он в полночь вваливается в мой дом за своим тряпьем!

Звонки.

— Давай! Давай, Саша! Звони! Как же! Разбежалась! Все! Больше не открывается!.. Я не ору, Мариша, я говорю. Но громко говорю, чтобы он все слышал.

Звонки.

— Звони, звонарь... Звони, хреновый актер... — Ну и пусть его все снимают. Но

от этого лучше актером он все равно не стал. Теперь он — знаменитый хреновый актер... Ха-ха-ха!.. Как это «почему снимают»? А кого же еще снимать! Как только его физиономия появляется на экране, у всех баб в зале проходит озноб по спине: они сразу чувствуют — хозяин явился! Они сразу вспоминают свою собачью сущность: как преданно служили и как их все равно, все равно — бросили! И рыдают... Он еще рта на экране не раскрыл, а они уже в горячих слезах! И по сто раз ходят смотреть эту рожу! Кстати, я была при начале его киношной знаменитости... А как же! Я расскажу! Вот это — я сегодня обязательно расскажу! Но сейчас мне это все так неактуально! ...Как поцелуй для марсианина — негигиенично, и все!!! Сейчас я хохочу! Вот так, Саша, знаменитый хреновый актер... Кстати, он такой хитрый. Как все хитрые хреновые актеры, входящие в возраст, он перестал пить и начал писать пьески. Эдакие лампапусеньки, хреноватые пьески-обаяшки... Ну как он сам! Он теперь стал трезвый, этот вчерашний алкаш Саша... Ну что ты, Мариша! Как я боролась с его пьянством! Откуда я знала, что только пьяный он похож на челове-

ка... Трезвый — он стал похож на собственное чучело. Чучело орла. Ха-ха-ха! Вот так Саша!!! Кто бы подумал, что этот гуляка станет нынче скучным жмотом... Он привез из Италии бутылку вермута... Какой-то бесценный вермут... там ему подарили. Но теперь он не пьет. И ему стало жалко, что его друзья-приятели вылакают бутылку... И он решил тайно спрятать ее у меня. Тихонечко поставил в шкаф в своем мемориале... Чучело орла... Но я — Шерлок Холмс! Я нашла... И теперь сижу вечерами и попиваю его вермут. Ха-ха-ха! ...Ну что ты, Мариша, я потом добавляю кое-что в бутылку... Так что незаметно... Ха-ха-ха! И сейчас я сижу с Сашиним вермутом... И медленно погружаюсь в Вермутский треугольник. ...Как же я любила!.. Знаешь, когда он первый раз ушел от меня, я ползала по пустой комнате — вынюхивала его запах! Ха-ха-ха...

Звонки.

— Звони, милоч! Ничего, перебеешься!

Звонки.

— Я сразу хрустнула у него меж зубами... От меня вмиг остался один остов, обглоданный любовью. Ха-ха-ха! Ох, как же я тогда влюблялась! Смертельно! Я в девять лет

влюбилась в дворника, у него была такая красивая метла. В десять — в школьницу из старшего класса, у нее были невероятно красивые пепельные волосы! Потом я влюблялась по очереди во всех своих учителей и даже в старца, учителя математики, как в Мазепу. У него были красивые морщины... Сашу я полюбила немедленно!.. Я встретила его в ГИТИСе. Он был выпускником, работал в приемной комиссии. А я в тот год провалилась... И когда он соизволил пригласить меня... Нет, Мариша, «в кино» — не удостоил. Пригласил — сразу на дачу... Я была девочка! Сумасшедшая непуганая девочка. Но я сразу решила...

Непрерывные звонки.

— Вот так, Сашок! Холодно стоять под дверью? А как мне было тогда холодно... Мы купались до ночи, потом вышла луна — и ведьмин час наступил. Мой час! С нами был какой-то юный доктор... Дело в том, что Саша, прежде чем начать учиться на хренового актера, учился на хренового медика. Ну, тот юный доктор, как ты догадалась, внезапно исчез. Остались я, Саша и луна... Я чувствую — подхватывают! Бесы любви! Пора улетать на помеле! ...Проводит он меня

